

принимаетъ въ расчетъ ни этнографическаго состава населенія, ни стремленій и интересовъ жителей. По его мнѣнію, „только то государство прочно и имѣетъ шансы на дальнѣйшее существованіе, которое болѣе или менѣе совпадаетъ съ отдѣльной изолированной страной,—точно также и народъ; остальные, второстепенныя государства и народы самою природою обречены на слитіе съ главными, преобладающими; пока же они не слились, между ними необходимо будетъ происходить неудержимое стремленіе къ этому, взаимное или одно-стороннее, которое рано или поздно должно будетъ увѣичаться полнымъ успѣхомъ“ (стр. 41). Такъ, напримѣръ, еслибы Нидерланды не пожелали присоединиться къ германской имперіи, то „Германія была бы совершенно права въ употребленіи силы, потому что съ естественной точки зрѣнія устья Шельды и Рейна для нея гораздо нужнѣе, чѣмъ для Нидерландовъ (?!), такъ какъ они служатъ портомъ (?) на $\frac{9}{10}$ для Германіи, и только на $\frac{2}{10}$ для самихъ Нидерландовъ“ (стр. 43). Авторъ стѣсняется еще относительно мадьяръ, которымъ пришлось бы отвести подчиненное мѣсто въ австрійско-славянской державѣ. Но и въ этомъ случаѣ „неизбѣжно насиліе“, ибо „одинъ народъ, хотя бы даже и болѣе значительный, чѣмъ венгры, ничто предъ вѣчностью (!) и остановить естественный ходъ событій онъ не можетъ“ (стр. 47). Авторъ старается смягчить свой суровый приговоръ нѣкоторымъ подобіемъ остроумія. „Если ужъ,— философствуетъ онъ,—изъ любви къ древностямъ оставлять нетронутыми венгровъ и румынъ,—то отчего бы для музея не оставить также финновъ, эстовъ, латышей, литовцевъ и т. д.? Для каждаго изъ этихъ народцевъ можно бы отмежевать по уголку земли, а для археологій они навѣрное представили бы не меньше интереса, чѣмъ венгры или румыны. Но при такомъ пристрастіи къ музеямъ пришлось бы слишкомъ дорого платить за не совсѣмъ цѣнные экспоненты (??): чтобы удержать эти экспоненты (sic) отъ химическаго разложенія вслѣдствіе разрушительнаго вліянія сосѣдней атмосферы, потребовались бы большія издержки на вентиляцію и спиртъ (!)“.

Исправляя границы государствъ, авторъ просто проводитъ на бумагѣ прямую линію отъ какихъ-нибудь горъ до ближайшаго моря; его не останавливаютъ при этомъ ни естественныя, ни національныя преграды, которыхъ на картѣ и не видно. Для автора ничего не стоитъ отрѣзать къ Германіи территорію съ полутора-милліоннымъ французскимъ населеніемъ или присоединить къ Франціи 875.000 фламандцевъ (стр. 81—83); при этомъ „нѣкоторой части французовъ или нѣмцевъ придется перемѣнить свой языкъ и примкнуть къ другой національности,—что можетъ совершиться даже черезъ нѣсколько поколѣній, — но зато граница будетъ представлять удобства „крат-